

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
25 (88)

КУЛЬТУРА
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ДРЕВНЕГО
И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО
ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1974

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ СКАЗАНИЯ О ПЕРВОМ БРАТОУБИЙСТВЕ*

Сказание о первом братоубийстве кажется на первый взгляд совершенно понятным. Каин и Авель, сыны первой человеческой пары, приносят Богу жертвы: земледелец Каин — из плодов земли, а скотовод Авель — из овец своего стада. Жертву Авеля Бог принимает, а жертву Каина он оставляет без внимания. Из ревности Каин убивает Авеля, за что Бог сгоняет Каина с лица земли и обрекает его на вечное скитание. Но вряд ли найдется в Ветхом завете другое сказание, которое содержало бы столько неясностей, как сказание о Каине и Авеле. Толкование этого сказания, которое началось еще в III в. до. н. э. переводчиками Библии на греческий язык и продолжается до наших дней, ровным счетом ничего не прояснило: и в новых работах часто встречаются выражения «перевод сомнительный», «текст испорчен», «текст совершенно искажен» и т. д.

Давно стало складываться у меня мнение, что сказание о первом братоубийстве в том виде, в каком оно дошло до нас, представляет лишь краткий и отрывочный пересказ уже забытого древнего распространенного сказания. Этим я объяснял себе наличие в сказании столь многих непонятных выражений, очевидных пропусков и нелогичностей. И я неоднократно возвращался к сказанию, думая восстановить утраченное первоначальное содержание его, но каждый раз убеждался в том, что средства формального филологического анализа для этого недостаточны. Я решил тогда подойти к сказанию с историко-культурной точки зрения, и мне показалось, что открылась возможность, наконец, выяснить социальную сущность сказания и тем самым определить время его возникновения и окончательной обработки, а также объяснить в нем места, остающиеся до сих пор темными и загадочными.

Прокомментирую прежде всего текст.

Бытие, глава 4:

1. И Адам познал Еву, жену свою, и она зачала и родила Каина. И она сказала: я приобрела мужа вместе с Богом.

У многих народов, особенно скотоводческих, брачные узы становятся прочными только с рождением ребенка мужского пола. Это вызвано стремлением главы семьи сохранить в пределах семьи народившуюся личную собственность и получившим развитие культом предков. И Ева говорит: я приобрела мужа вместе с Богом — Бог сотворил его, а я, родив сына, приобрела право на него. См.: BerR 22 (к этому месту): «Женщина видит, что родила детей мужского пола, она говорит: я овладела мужем своим». Ср. Gen 29: 32, 34; 30 : 20. Позже будут говорить, что мужчина приобре-

* Доклад, прочитанный на заседании кафедры арабской филологии восточного факультета ЛГУ 26 января 1971 г., посвященном памяти акад. И. Ю. Крачковского в связи с 20-летием со дня его кончины.

тает жену (напр., Ruth 4 : 5, 10) или что жена приобретается (напр., Qidd I : 1).

2. И она еще родила брата его, Авеля. И был Авель пастух овец, а Каин был земледелец.
3. И было спустя несколько времени принес Каин от плодов земли жертву Богу.
4. И Авель принес также от первородных овец своих, от тука их. И призрел Бог на Авеля и на жертву его,
5. А на Каина и на жертву его не призрел. Каин разгневался сильно и помрачнел.

Чрезвычайная лаконичность автора, умалчивающего о весьма важных деталях, свидетельствует о том, что ему уже не было известно истинное содержание сказания. В частности, совершенно обойден вопрос о мотиве жертвоприношения Каина и Авеля, ничего не сказано о месте, куда принесли братья свои жертвы, не объясняется, откуда стало известно, что жертва Авеля была принята Богом, а жертва Каина была им отвергнута. В то же время может показаться излишним упоминание Каина и Авеля там, где говорится: «И призрел Бог на Авеля и на жертву его, А на Каина и на жертву его не призрел». Мне кажется, что загадочный 7-й стих, остающийся до сих пор не переведенным и не истолкованным, может дать ключ к выяснению неосвещенных в сказании вопросов.

6. И сказал Бог Каину: почему ты рассердился и почему ты помрачнел?
7. Принесешь ли ты лучшее или не принесешь лучшего [это одинаково] — у входа животное, принесенное в жертву за грех, лежит! Но он [брат твой] будет стремиться к тебе, и ты будешь господствовать над ним.

Ученых до сих пор смущала наблюдаемая здесь несогласованность в грамматическом роде (существительное **למנח** женского рода, а глагол **רבי** в мужском роде). И вот одни ученые предлагали вычеркнуть окончание женского рода у **למנח**, тогда получится имя мужского рода в этом же значении (**למנח**); другие предлагали присоединить окончание женского рода **למנח** к глаголу, тогда глагол окажется во втором лице имперфекта; третьи, например Ибн-Эзра, объясняли мужской род глагола тем, что слово женского рода **למנח** употреблено здесь вместо равнозначущего имени мужского рода **רבי**. Но удивительно, что ученых совершенно не смущало то, что для греха не подходит употребленный здесь глагол **רבי**. Этот глагол встречается в Ветхом завете (с производными от него именами) 36 раз, при этом 29 раз, когда речь идет о животных, 2 раза — о бездне, 1 раз — о проклятии (но см. Zach 5:1—4), 2 раза — о людях, 1 раз — в переносном значении (Jes 54:11), 1 раз — наш случай. Из сказанного неопровержимо следует, что и здесь глагол **רבי** употреблен по отношению к животному и что это животное скрывается за именем **למנח**. И действительно, в Жреческом кодексе имя **למנח** выступает как *terminus technicus* для обозначения жертвы за грех, очистительной или умиловительной жертвы. И женский род глагола получает свое объяснение: в Жреческом кодексе имя **למנח** то женского, то мужского рода — в зависимости от пола животного, приносимого в жертву; так, например, Lev 4:25, где говорится о жертвенном животном козле, **למנח** мужского рода, а Lev 4:30, 31, где жертвой является коза, **למנח** женского рода. Остается нам только допустить, что Каин и Авель, начавшие новую, рассчитанную на свои силы жизнь, отличную от жизни родителей в «саду божием», и опасавшиеся мести и гнева Бога за ослушание родителей, принесли Богу умиловительную жертву, жертву за грех — **למנח**. Может быть, характером жертвы Авеля объясняется кажущееся

излишним в четвертом стихе слово **וּמִחֲלֵבָהּ** — от тука их (в тексте множественное число). Ведь по ритуалу от жертвы за грех или искупительной жертвы Богу возносился только тук животного (Lev 4:8—9: «И весь тук тельца жертвы за грех вознесет он: тук, покрывающий внутренности, и весь тук, который на внутренностях, и обе почки, и тук, который на них, который на стегнах, и сальник на печени» и т. д.).

Куда же принесли братья свои жертвы? Логичнее всего допустить, что жертвы были принесены к тому месту, где, как предполагалось, обитает Бог. Как явствует из второй и третьей глав книги Бытия, Бог обитал тогда в саду, который он насадил. Этот сад так и назывался: **גַּן אֱלֹהִים**, **גַּן הָאֱלֹהִים** — «сад божий» (Gen 13:10; Jes 51:3; Ez 31:8, 9).

Сад не был предназначен человеку: человек был помещен в сад, «чтобы возделывать его и хранить его» (Gen 2:15). В саду находились дерево жизни и дерево познания добра и зла, плоды которых были запрещены человеку под угрозой смерти. Эти плоды составляли пищу именно «хозяина» сада; они-то сообщали ему его отличительные атрибуты — всеведение и бессмертие. Когда Адам и Ева послушались Бога и вкусили от плодов дерева познания добра и зла, Бог выгнал их из сада, мотивируя это следующим: «Вот Адам стал, как один из нас, зная добро и зло; теперь, может быть, он прострет руку свою, и возьмет также от дерева жизни, и вкусит, и станет жить вечно». К входу в сад, в обитель божью, Каин и Авель и принесли свои жертвы, поступая, таким образом, в полном соответствии с жертвенным ритуалом («Когда кто из вас хочет принести жертву Богу. . . к входу скинии собрания пусть приведет ее, чтобы приобрести ему благоволение пред Богом» — Lev 1:2—3). Здесь, у входа в сад, Бог жертву Авеля принял, а жертву Каина отклонил. Здесь, у входа в сад, имело место объяснение Бога с Каином, приведшее к роковому последствию. Бог говорит Каину: у входа в сад жертвенное животное лежит; этим он со всей определенностью подчеркивает, что только животное может его удовлетворить и что плоды земли, какие бы они ни были, ему неуютны. И Каин, убедившись в безнадежности добиться расположения Бога плодами возделываемой им земли, решает убить своего соперника — скотовода Авеля.¹

О последней части седьмого стиха, не имеющей сюда никакого отношения и являющейся позднейшей вставкой, речь будет позже.

8. И рассказал Каин Авелю, брату своему. И вот, когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его.
9. И сказал Бог Каину: Где Авель, брат твой? Он ответил: Не знаю; разве я сторож брату моему?
10. И сказал Бог: Что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко мне от земли.
11. И ныне проклят ты за землю, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей.
12. Когда ты будешь возделывать землю, пусть она больше не дает силы своей для тебя; скитаться будешь на земле.
13. И сказал Каин Богу: Наказание мое больше, нежели снести можно.
14. Вот ты согнал меня сегодня с земли, и от лица твоего я скроюсь, и скитаться буду на земле, то всякий, кто встретится со мной, убьет меня.

¹ Уже в ранних, наиболее авторитетных переводах этот стих оставлен без перевода, а дан лишь комментарий к нему. Так, LXX: «Если ты правильно принесешь, но неправильно разрежешь, согрешишь разве? Будь спокоен!» Targüm Onkelos: «Если ты исправишь твои поступки, будет прощено тебе; если же не исправишь твои поступки, до дня суда грех не забыт будет».

15. И сказал ему Бог: За то всякому, кто убьет Каина, всемеро отмщено будет. И сделал Бог Каину знак, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его.

Слова Каина о том, что в изгнании он окажется вне поля зрения Бога и, таким образом, будет лишен его защиты, также указывают на то, что, как предполагалось, Бог жил еще в своем саду и к тому же сфера его влияния, по крайней мере в пространстве, была очень ограниченная. Первая половина 15-го стиха является позднейшей неудачной интерполяцией. С точки зрения логической она бессмысленна: Каин жалуется, что жизнь его, как изгнанника, все время будет в опасности, что всякий, кто встретится с ним, сможет безнаказанно убить его, а Бог вместо обещания защищать его от убийц говорит ему, что убийце будет отмщено, и не указывается, кем именно. Не лучше обстоит дело и со стилем. После слов «И сказал ему Бог» должна была следовать прямая речь, а здесь речь косвенная, что невозможно. Кроме того, по своей идее первая половина стиха противоречит второй. В первой половине стиха Бог говорит о мести за убийство Каина, а во второй он делает так, чтобы убийство было исключено. Бог внимает жалобам Каина: он делает ему знак, который должен предохранить его от убийства. Природа этого знака представляется более или менее ясной: это известный у многих народов знак принадлежности к той или иной общественной группе, служащий средством защиты от врагов, так как последние опасаются неминуемой мести родственников.² Ср. **אתת לבית אבות** — знаки семейных общин, Num 2:2.

16. И вышел Каин от Бога. И он поселился в области кочевий на востоке степи.

Перевод второй части стиха условный. Во всяком случае слово **גֵר** стоит в связи с выражением **נֶעַ וְנָר**. Для слова **גֵר** шумеро-аккадская гипотеза (edinu) все еще кажется наиболее убедительной.

17. И познал Каин жену свою, и она зачала и родила Еноха. И он стал строить город и назвал город по имени сына своего — Енох.

Социальная сущность сказания. Мне представляется, что сказание о Каине и Авеле сложилось на стыке двух великих хозяйственных укладов — уходящего скотоводческого и нарождающегося земледельческого и что в этом сказании нашло своеобразное преломление резко отрицательное отношение скотоводов к перемене своего исконного образа жизни.

Скотовод Авель и земледелец Каин приносят жертвы Богу, каждый из плодов своего труда. Бог благоволит к Авелю и жертву его принимает, но Бог не любит Каина и жертву его оставляет без внимания. Только в таком смысле можно понимать сказанное: «И призрел Бог на Авеля и на жертву его, а на Каина и на жертву его не призрел». Это совершенно естественно. Идея Бога—Яхве стала складываться именно у скотоводов. С патриархами — Авраамом, Исааком и Яковом — ярчайшими представителями скотоводческого уклада, Бог—Яхве заключает свой завет на вечные времена. Он говорит Аврааму: «И поставлю завет мой между мною и тобой и между потомками твоими после тебя в роды их, завет вечный в том, что я буду Богом твоим и потомков твоих после тебя» (Gen 17:7). Бог—Яхве так и именуется: Бог Авраама, Исаака и Якова. Каин рассержен. Он мог подумать, что Бог не принял его жертвы, потому что не принес «самые первые плоды земли», как этого требует ритуал (Ex 23:19; 34:26) и как поступил Авель, принесший свою жертву «от первородных овец», но Бог говорит ему, что дело не в этом; он указывает на

² См.: W. Robertson Smith. Kinship and marriage in Early Arabia. London, 1903, p. 251; J. G. Frazer. Folk-Lore in the Old Testament, vol. II. London, 1919, p. 78—103.

животное, лежащее у входа в его обитель, желая этим сказать, что только такая жертва ему угодна. Отчаявшись расположить к себе Бога, Каин убивает своего соперника — скотовода, полагая, что таким путем ему удастся заставить Бога изменить к нему свое отношение. Но Бог неумолим: он проклинает Каина, стоняет его с воздвигавшейся им земли, хочет вынудить его вести по примеру погибшего брата неоседлую, бродячую жизнь. Ненависть Бога к земледелию так велика, что он даже объявляет землю виновницей совершенного убийства и проклинает ее. «Когда ты будешь воздвигать землю, — говорит Бог Каину, — пусть она больше не дает силы своей для тебя»: бесплодие почвы должно вынудить Каина отказаться от занятия земледелием и перейти к прежней кочевой жизни. Между прочим, земля уже была раз проклята в связи с проклятием Адама. «Адаму же он сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя . . . И терние, и волчьи произрастит она тебе, и будешь питаться полевой травой» (Gen 3:17—18). Неуместность этого проклятия была давно замечена, когда говорилось: «Трое предстали перед судом [змеи, Ева и Адам], а четверо оказались проклятыми [змеи, Ева, Адам и земля], Yeg. Kil'ayim I, 27b». Но Бог не желает смерти Каина, он надеется на возвращение его к прежней жизни: он делает ему опознавательный знак патриархальной общины, к которой он принадлежит и от которой и впредь должно зависеть его благополучие.

Таково первоначальное содержание сказания о первом братоубийстве, таков его древнейший, скотоводческий, вариант. С окончательным переходом к земледелию и упрочением оседлой жизни этот вариант устаревает, но он не подвергается коренной переработке, в него лишь вносятся (при этом чисто механически) некоторые дополнения, которые легко отделяются от основного ядра. Прежде всего надо указать на вторую часть седьмого стиха. Она стоит здесь совершенно особняком, и не может быть никакого сомнения в том, что она представляет позднейшую приписку редактора-земледельца. Эта не объясненная до сих пор приписка может значить единственно, что Бог, желая утешить огорченного Каина, якобы говорит ему, что брат его, скотовод, не сможет обходиться без него, будет стремиться к нему и что он в конце концов будет над ним господствовать. См. Gen 3:16, откуда редактор заимствовал эту фразу. Далее, позднейшей вставкой такого же рода должна быть признана первая часть пятнадцатого стиха. Выше уже было сказано о нелогичности и грамматической неправильности этой части стиха, но она становится вполне ясной, если допустить, что редактор, всецело стоявший на стороне земледельца Каина, решил вложить в божьи уста такие слова, как «всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро», и тем самым лишней раз подчеркнуть расположение Бога к Каину и большое значение, которое он ему придает. Наконец, добавлением второй половины семнадцатого стиха редактор окончательно придает новому варианту сказания земледельческий характер. Бог, всячески охраняющий старый уклад жизни, стоняет Каина с земли и обрекает его на скитание, а Каин, вопреки воле божьей, начинает строить город, т. е. решительно и бесповоротно утверждает оседлую жизнь. Если первый вариант сказания является апологией старой, кочевой жизни, то во втором варианте его провозглашается победа новой жизни, жизни оседлой, городской. Может быть, редактору

следует приписать и имя брата Каина. Ведь имя **הבבל** до сих пор не имеет более или менее удовлетворительной этимологии. Более того, это единственное имя, происхождение которого оставляет Евой без объяснения. (Имена первого сына Каина и третьего — Сифа — Евой толкуются). Не решил ли редактор для пущего превознесения значения земледелия

заменить настоящее имя брата Каина, скотовода, придуманным им уничижительным именем, означающим «суета», «суетная жизнь», «ничтожность»?

Мне хотелось бы сказать еще об эволюции значения слова **הֶלֶב** в связи с переходом от скотоводства к земледелию. Слово **הֶלֶב** встречается в Библии около 90 раз. Около 80 раз слово употреблено в его основном значении — «тук», «жир животного» (4 раза, когда речь идет о человеке). Особенно часто встречается это слово при описании жертвенного ритуала, требовавшего, чтобы весь тук жертвенного животного был принесен Богу. 9 же раз слово **הֶלֶב** употреблено в значении «лучшее», «отборное». У скотоводов тук считался самым ценным, самым лакомым у животного, и вот в переходный период к земледелию слово **הֶלֶב** — тук — стало употребляться и по отношению к плодам земли. Говорили «тук елея», «тук винограда и хлеба», когда хотели сказать «лучшее из елея», «лучшее из винограда и хлеба» (см. Num 18 : 12), или «тук земли» вместо «лучшее из того, что дает земля» (см. Gen 45 : 18), или «тук пшеницы» вместо «самая лучшая пшеница» (см. Ps 81 : 17; 147 : 14). Особенно поразителен пример Deut 32 : 14; выражение **הֶלֶב כְּלֵיֹת הַטָּה** (тук с почек пшеницы) должно означать «самая лучшая пшеница»; см. выражение **הֶלֶב כְּלֵיֹת אֵילִים** (тук с почек баранов — Jes 34:6).

I. N. Vinnikov

THE SOCIAL BACKGROUND OF THE LEGEND OF THE FIRST FRATRICIDE

A detailed Philological and historico-cultural analysis of the legend of the first fratricide (Gen. 4 : 1—17) shows that this legend originated at the point of divergence of the two great types of economy: the archaic cattle-breeding and the vising agricultural one; the legend reflects in a very specific way the negative attitude of the former cattle-breeders to the change in their traditional mode of life. This interpretation makes at last clear the use of some terms and expressions which have been declared hopelessly corrupted, and a reason for seemingly irreconcilable contradictions in the text is suggested. Thus, contrary to the common opinion of scholars, it appears to be in order and correct.
